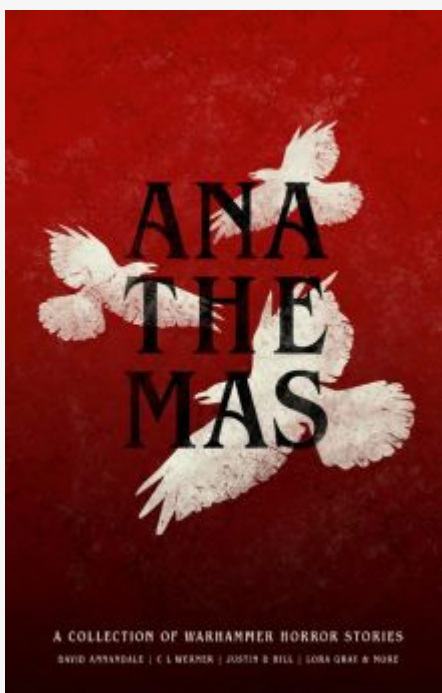

Тварь в лесу / The Thing in the Woods (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Тварь в лесу / The Thing in the Woods
(рассказ)

Автор	Пол Керни / Paul Kearney
Переводчик	Brenner
Издательство	Black Library
Серия книг	Warhammer Horror
Входит в сборник	Анафемы / Anathemas
Год издания	2020
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Меня будят барабаны, звучащие в мрачные минуты перед рассветом – исповедник порой говорил мне, что предутренний час черен, словно душа еретика.

Однако, когда я встаю с соломенного тюфяка в своей келье, кажется, будто это была лишь тень ночи, воспоминание. Темнота безмолвствует. Леса за пределами Приюта хранят свои тайны. А барабаны звучат лишь у меня в голове – кошмар, не более того. Они снова мне чудились.

Я опускаюсь на колени, и мои старые кости скрипят. Суставам больно, спина протестует. Но я всегда молюсь после подъема. Я молилась каждое утро на протяжении шестидесяти лет, проведенных на Карканисе, и будь я проклята, если перестану это делать теперь. Слова успокаивают меня – Катехизис Мирской Веры. Чтобы произносить его, я не нуждаюсь в напоминаниях планшета или книги. Эти слова – часть меня, они начертаны прямо в моей душе.

Я последняя в своем роде на этой планете, и каждое утро я буду свидетельствовать Истине, как и поклялась в том другим – всем, кто пришел сюда вместе со мной и ныне погребен на кладбище за стенами огорода. Я помню их, каждого. Порой мне кажется, будто их лица я помню лучше, чем тех живых, что все еще окружают меня.

Когда я заканчиваю, появляется Бруни – уверена, она подслушивает за дверью, чтобы точно подгадать время – и приносит кувшин с горячей водой, чистое полотенце и кружку обжигающего чая двойной крепости.

Она славная девочка. Не слишком набожная, но когда-то исповедник так характеризовал и меня. Сейчас ей почти девятнадцать – или около того – она высокая, темноволосая и молчит, пока я обнаженной провожу пред нею омовение. Во мне нет стеснения – от него меня научили отречься еще в пору моей молодости.

В конце концов, я встаю босиком на выложенный плитами пол, подпоясав кожаным ремнем выцветшее синее одеяние, которое ношу уже бесчисленное множество дней, и отхлебываю чая. Она приподнимает густую бровь, и я киваю головой, показывая, что тот приемлем, как и всегда. Бруни прислуживает мне уже семь лет и хорошо изучила мои привычки. А еще она знает, что когда дело касается чая, я становлюсь придирчивой старой стервой.

Наконец, наступает утро, и над горами появляются первые лучи солнца. Мы с Бруни вместе встаем и глядим туда. Это не религия и вообще не совсем вера, но все же светлый миг.

Затем это мгновение проходит, и теперь важен лишь грядущий день.

Что ж, я стара, от этого никуда не деться. Я происхожу из обычного рабочего люда – мой отец был рыбаком – и мои стойкие крестьянские гены сослужили мне хорошую службу, но теперь я чувствую, как возраст подползает к моему горлу, крадется внутри и ищет способы смутить мой разум.

С тех пор, как наш корабль сел здесь, прошло много времени – пять десятилетий. Надежды первых лет потерпели крах. Однако мы все же сделали этот мир лучше – неизмеримо лучше, чем та непроницаемая, утопающая в деревьях преисподняя, которая встретила нас при посадке. Я каждый день возношу за это благодарность в своих молитвах.

Сейчас мой старческий ум поражается той отваге, той самонадеянности, с которыми мы явились сюда, дабы изменить всю систему верований примитивных народов. *Homo sapiens*, в котором было не так-то много *sapiens*. И это относилось как к ним, так и к нам.

Меня изумляет наше высокомерие. Мы были в своем праве – на нашей стороне пребывала истина. Но в

те дни вершились такие дела, от которых я до сих пор сплю беспокойно.

Мы одни на этой планете, отрезанные от Империи. Карканис обращается вокруг старой звезды по эллиптической орбите, имеет четыре луны, и на нем практически нет открытых водных пространств.

Я скучаю по морям моей юности – здесь моря состоят из деревьев, колоссальных титанических исполинов, которыми покрыт этот мир. Самые старые из них высотой в полкилометра.

Когда мы только прибыли сюда, великие деревья являлись для этих людей почти что божествами. Их почитали превыше всего живого – и под этой древесиной и листвой они в своем невежестве поклонялись некоему древнему божеству, темной сущности, которую мои собратья из Миссионарус Галаксия так и не смогли точно определить, даже когда наша миссия зажгла здесь первый очистительный огонь. У нее даже не было имени.

Возможно, это было нечто, существовавшее в мрачную доисторическую эпоху этого мира и опутавшее своими мерзостными отростками тех переселенцев, что первыми прибыли сюда во времена до Ока Ужаса, когда Ересь была лишь словом из книг. Этот темный культ – эти верования – оставил на местных людях след, который пришлось долго стирать.

По крайней мере, мы в нашей гордыне полагали, что стерли его.

Кастра Гуннорум получил свое название в честь первого из нас, кого убили на этой планете. В начале это был всего лишь сооруженный из дерева аванпост – осажденный форт, защищенный частоколом, само создание которого привело местных в ярость. Мы спилили деревья и соорудили из них стену еще до того, как узнали, что это значит для здешних обитателей. В их глазах подобное являлось святотатством.

Ах, несчастный Гуннор, я помню его так, словно все случилось вчера.

Он вышел к ним безоружным, хотя и являлся лучшим воином среди нас – он полагался на свою веру, шутки, добрый нрав и большие кулаки. До Карканиса он лестью, угрозами и уговорами прокладывал дорогу на полудюжине миров и этим славился в ордене. Я любила его, как брата, поскольку он приглядывал за моими успехами с самого вступления и укреплял мою веру своей железной уверенностью.

Они освеживали его заживо, начав с лица, и успели дойти до пояса, прежде чем он умер. Они не спешили и, сдирая с его тела плоть, давали ему выпить воды, чтобы продлить его жизнь и безграничную боль, в которую они ее превратили.

Я давно бы уже застрелила его, чтобы положить конец его страданиям, но исповедник удержал мою руку, так что я могла лишь плакать.

Кончина Гуннора впечатлила его убийц, ибо он до последнего остался предан своей вере и даже смог рассмеяться над ними в предсмертных муках. Хотя они были чудовищами и ублюдками, но уважали подобное поведение. Они признавали мужество.

Я была всего лишь юной девушкой, но в ту пору я была быстрой и смертоносной, словно змея. Получив неохотное благословение исповедника, я следующей вышла из ворот, да простит Трон мою самонадеянность.

Ни тогда, ни сейчас я не знаю точно, что я намеревалась сделать – проповедовать им, или же перебить

их. У меня на бедре висел меч, а в одеянии был спрятан лазпистолет. Они отпрянули от меня, когда я бросилась к ним с широко раскрытыми глазами и разметавшимися темными волосами распущенных кос – о, какие же великолепные черные локоны у меня были в молодости, да простится мне суетность воспоминаний о них!

Я стояла там, готовая умереть возле изуродованного трупа Гуннора – взвинченная, полная ярости и ненависти – и вместо того, чтобы сразить их, я, держа одну руку на эфесе меча, а другую на рукоятке пистолета, обратилась с речью к убийцам, чьи руки были в крови моего друга, ведь именно этого он бы и хотел.

Сдержаться оказалось нелегко. Я помню, что во время проповеди ничего не видела из-за слез, и по сей день не знаю, были ли то слезы горя или же ярости. Не помню я и слов, которые произносила.

Знаю, что говорила им про свет Империи, даже когда слетевшиеся вороны выклевывали глаза Гуннора на виселице надо мной. Я проглотила горе, злость, черное желание убить их всех и очистить мир от их языческого невежества. Вместо этого я рассказала о Святой Терре, о Золотом Троне и бессмертном Императоре, а также о громадном просторе вселенной за пределами сдавленного деревьями болота их представлений.

И вот так все и началось, прямо там, в кровавой грязи за частоколом. Ибо они не убили меня, а выслушали. Этого нам помогла добиться отвага Гуннора. Смерть смельчака подарила мне их терпение. И это стало началом.

Хвала Трону, мы вывели этот мир к свету – потребовалось сорок лет и потоки крови и слез, но в конце Истина восторжествовала. Карканские племена отринули свое невежество и приняли истинную Веру. Они отбросили древние верования и окутывавшую их нечистую тень. А мы, пережившие Первую Миссию, разошлись по всему миру проповедовать и свидетельствовать Истине – до конца своих дней.

Сейчас даже мысль об этом заставляет меня чувствовать усталость. На протяжении сорока лет я пересекала этот континент вдоль и поперек, словно не знающий покоя призрак, и десятилетие за десятилетием те, кто стоял выше меня, умирали, занимаясь тем же самым. А когда обрушились варп-штормы, мы оказались по-настоящему отрезаны – те немногие, кто еще оставался. Единственные на Карканисе, воочию видевшие реальность иных миров, высший уровень бытия.

Мы делали некоторых из обращенных проповедниками, посвящая других в таинства нашего дела, но почему-то они как будто не приживались. Почему-то все отпадали. Никто из них не видел Галактику за пределами их спутанного кругозора, и мне отчасти кажется, что никто из них на самом деле не верил в ее существование. Я и мои товарищи-миссионеры представляли собой странное чудо. Людей, сошедших с неба с пугающими идеями и готовностью умереть за них.

– Прибыл хастмен с сообщениями от кастеляна, и ему нужно, чтобы вы их ему прочли, – говорит мне Бруни в своей обычной небрежной манере. Она всегда знает, когда прервать мои грезы наяву. – Он ожидает вас в атриуме.

Вернувшись в настоящее, я быстро собираюсь с мыслями.

– Уже?

Я продолжаю прихлебывать чай. Травы согревают меня так же, как и горячая жидкость. Даже сейчас, в

конце игры, меня ставит в тупик тот факт, что в этом проклятом месте отчего-то не укоренилась грамотность. Однако благодаря этому от меня есть польза, которая вряд ли пропадет раньше меня самой.

– Он рано, – замечает Бруни. – Это на него не похоже.

Хастмен Тривос из племени Тревасси похож на пятидесятилетний деревянный блок. Его бурое лицо покрыто морщинами и увенчано седыми волосами, напоминающими сальный мох. Кажется, за последние десять лет я видела его улыбающимся два раза. В его огромных кулаках свитки депеш выглядят будто светлые ветки. Когда я вхожу в атриум, он слегка склоняется – в последнее время его спина стала куда менее гибкой. При жизни исповедника его поклон был глубоким и искренним. Теперь же это пережиток былого уважения, не более того.

– Мне нужно, что бы ты прочла это мне, кáлек Дина. На них печать с песочными часами, так что время... есть существенно.

Он говорит на низком готике с гортанным акцентом своего народа и до сих пор временами запинается на сложных фразах. Метафор он не понимает и именует меня карканским титулом, которым меня наделили вскоре после прибытия. «Кáлек» означает «свидетель». Он никогда не общался со мной на своем наречии, хотя и знает, что я свободно им владею.

Я знаю, что ему не стоит предлагать чаю – никто из карканцев не любит задерживаться в стенах Приюта. Массивное каменное сооружение все еще приводит их в трепет, и когда они проходят в тени огромной имперской аквилы, венчающей ворота, то сотворяют знамение от сглаза, невежественные глупцы.

Не говоря ни слова, я беру свитки, ломаю первую печать и изучаю телячью кожу. Прочитанное заставляет меня беззвучно присвистнуть.

– Ты хочешь услышать основную идею, Тривос, или дословное содержание?

– Просто скажи мне суть, кáлек.

– Племя Гурун из Яр Годорис напало на поселения возле реки Тимари. Был замечен отряд налетчиков числом около четырехсот всадников, направлявшийся на запад. Ты должен поднять местный хирд и перехватить их, однако тебе не разрешается продвигаться за реку. В земли Гурун заходить нельзя.

Он издает ворчание и сжимает один покрытый пятнами кулак.

– Я почти ждал этого. Хастмен Джекирр из Гурун стремится столкнуть нас в открытую войну. Много месяцев стремится. А кастелян так и не отвечает подобающе. Деревни Тревасси горят, а Гурун остаются нетронутыми. Это...

Он опоминается и смотрит в сторону. Проглатывает свою злость.

– Я не сомневаюсь, кастелян знает, что делает, – дипломатично произношу я. Уже много долгих лет мне не доводилось видеть на лице хастмена Тривоса столько эмоций. Я гадаю, что же это значит.

Впрочем, более он ничего не говорит, и я перехожу ко второй депеше.

– Каравану колесниц с камнем из копей Гельвариса понадобится сопровождение до Кастра Гуннорум через три дня. Ты выделишь на это дело двадцать человек.

Ответа нет. Я разворачиваю последний свиток.

Трон.

– Отныне и впредь у ворот Приюта в Кастра Гуннорум должен быть размещен караул из четырех человек, дабы защитить кáлека от возможных беспорядков в эти беспокойные времена, – я рассерженно вскидываю голову. – На этот счет нужно было посоветоваться со мной.

Хастмен лишь пожимает плечами, снова став невозмутимым, словно дерево.

– Как ты говоришь, я не сомневаюсь, кастелян знает, что делает.

Мы опять встречаемся взглядами. За двадцать лет подобного общения мы так и не начали понимать друг друга. С тем же успехом я могла бы попробовать узнать, что на уме у дерева.

Мне не следовало показывать ему мою злость. Он, несомненно, также жалеет, что проявил свою.

– Тебе не было нужды читать мне последний, – произносит Тривос, нарушая молчание. – Ты могла бы соврать, что в нем, если тебе это так не нравится.

– Я приносила клятву кастеляну точно так же, как и ты, хастмен. Мой исповедник управлял этим местом от его имени, как делаю и я. И я здесь одна. У меня нет средств противиться его приказам, даже если я считаю их... необдуманными.

Его голова наклоняется набок на бычьей шее. Глаза похожи на черные камешки.

– Необдуманными? Придет день, когда этот Приют станет пуст, кáлек. Это хорошее строение, крепость из камня. Кастелян просто отмечает то, что скоро будет принадлежать ему.

– Когда я умру.

– Когда ты умрешь.

– И как же станет кастелян передавать свои приказы тебе, Тривос, когда в Кастра Гуннорум не останется в живых никого, умеющего читать и писать?

– Мы неплохо справлялись до того, как ваш народ пришел сюда, – спокойно отзывается он. – Вернемся к способам наших отцов.

Барабаны. Так они поддерживали связь в прежние дни крови и варварства. Я не могу удержаться от того, чтобы поддеть его:

– А если однажды со звезд явится еще один корабль с подобными мне на борту – или с имперскими солдатами – что тогда?

На его лице мелькает нечто странное – тень улыбки, действительно редкое явление. Он снова отвешивает мне полупрезрительный поклон и разворачивается на пятках, чтобы уйти.

– Дешеши, Тривос. Ты их не заберешь?

– Какой мне теперь от них толк? – отвечает он через плечо. Его сапоги позвякивают по плитам, а шпоры лязгают, словно маленькие нестройные колокольчики.

Бруни с приглушенным стуком закрывает за ним двери атриума, а затем идет ко мне. Длинные волосы

развешаются у нее за спиной.

– Этот человек видит себя на этом месте, на высоком кресле и с золотым кубком.

– Он хочет войны, – просто говорю я. – На войне предоставляются возможности, как в мертвечине заводятся черви. И он именно из тех, кто этого добивается.

– Я думаю, он нарушит свою клятву перед кастеляном и назовется на манер древних вождей – Владыкой Мечей. Тревасси всегда были вероломным кланом, так мне рассказывала мать. Но он долго терпел. Теперь кастелян стареет, как и ты – Высокий Трон в Аб Сурен кажется далеким, и он слишком доверяет своим хастменам.

– Похоже, мне кастелян доверяет уже не так. Он собирается превратить это место в мою темницу, хотя не сказать, чтобы в последние годы и так было иначе. Еще до твоего рождения, Бруни, кастелян полагался на советы моих братьев и меня. То время давно прошло.

– Орел на воротах все еще имеет здесь силу – ты еще имеешь силу, кáлек.

Я печально улыбаюсь.

– Силу воспоминаний. Подобная сила умирает вместе с теми, кто помнил.

На меня волной накатывает усталость, хотя до сих пор еще стоит раннее утро, и в лесах повсюду вокруг Приюта поют птицы, словно среди тенистых древесных башен собралась сплетничающая толпа.

Когда мы только прибыли сюда, то в своей надменности срезали окружающий лес и расчистили вокруг Приюта открытое пространство, чтобы крепостные стены высились над городом внизу, словно утес – мы водрузили на эту землю кулак Империиума и подчинили ее своей воле. Но ныне деревья уже выросли снова, и их листья касаются стен, как будто поглаживают камень, что-то шепчут ему.

– Ты действительно думаешь, что Тривос намеревается отринуть верность кастеляну? – спрашиваю я у Бруни.

– Он пойдет войной на Гурун, это у него в крови. Тревасси всегда их ненавидели. А когда начнется эта война, старый порядок вещей будет опрокинут. Четыреста всадников! Это не просто налет – больше похоже на армию.

– На твоих юных плечах такая умная голова, Бруни. Откуда у тебя такая уверенность?

– Это мои места, мой дом. Ты знаешь, что моя семья принадлежала к Друнаи, которые жили здесь до Тревасси, до власти кастеляна, до того, как ваши люди сошли с небес. Деревенским об этом тоже известно, и они открыто говорят со мной, зная, что я никогда не передам их слов никому из Тревасси, – ее юное лицо омрачается. – Я тоже последняя из себе подобных, кáлек. Когда-то мой род был жрецами, говорящими с деревьями.

– И все же ты служишь мне, срезавшей ваши деревья.

– Одна магия вытесняет другую, как солнце растапливает снег. Моя мать говорила мне, что в ваших словах есть свет истины. Истины, простирающейся далеко за пределы этого мира.

Она делает паузу и поднимает глаза на сводчатый потолок атриума, на серый камень и черные балки.

– Мы тоже хотелось увидеть что-то за пределами сумрака деревьев и той крови, которую мы приносили в

жертву, чтобы задобрить силы леса. Я поверила в тебя, кáлек Дина. Уверовала.

«Возможно, напрасно», – думается мне.

Позже в тот же день, после дневных молитв и полуденной трапезы, я вызываю Бруни в скрипториум, позвонив в ручной колокольчик.

В вытянутом, залитом светом помещении рядами стоят столы, однако ни на одном из них нет ничего, кроме пыли. Я сижу в одиночестве там, где некогда исповедник учил искусству письма множество из нас. Здесь мы создавали прекрасные пергаментные гримуары имперской мудрости, которые затем рассылались по всему континенту и украшали собой замки карканской знати. Сколько из тех книг еще цело? Сколько из них еще читают?

Я гоню прочь подобные меланхоличные мысли и сосредотачиваюсь на насущном деле.

Радость каллиграфии – чувственные изгибы черной линии на фоне пустоты. Я до сих пор ее люблю. Дуги и точки каждой буквы прекрасны. При письме я неторопливо беззвучно проговариваю слова по слогам, смакуя их. Слова покидают мои уста посредством пера и черной туши, навеки оставляя след на телячьей коже у меня на столе. В этом процессе есть некая доля вечности. Слова пребудут еще долго после того, как от меня, сотворившей их сегодня, останется лишь прах на кладбище.

Когда-то это занятие успокаивало меня – оно казалось мне мигом размышлений, волшебства. Сейчас я умнее. Однако искусство продолжает доставлять мне удовольствие. Даже когда я пишу простое послание – сопряженное с опасностью, отягощенное смыслом.

Бруни умеет читать – я научила ее этому пять лет назад – и без стеснения делает это поверх моего плеча, пока я не промокаю чернила и не сворачиваю свиток, поставив печать аквилы исповедника на капнутом сгустке алого воска. На бледном пергаменте орел кажется ярким, словно кровь.

– Ну? – интересуюсь я у нее.

Она берет свиток из моей протянутой руки.

– В этих словах смерть, – говорит она.

– Лишь для тех, кто в силах их прочесть, – отвечаю я.

– Ты выдаешь хастмена кастелляну – но без доказательств.

– Твои инстинкты говорят о том же, что и мои, девочка. Тривос намерен устроить войну, отбросив свою верность Высокому Трону. Кастелляна необходимо предупредить, и это послание должно отправиться к нему до того, как у ворот окажутся люди Тривоса, наблюдающие за всем, что прибывает в Приют и покидает его. Сегодня, когда наступит ночь.

– И это должна сделать я, – произносит Бруни.

– Больше нет никого, кому я могу доверять.

– До Высокого Трона в Аб Сурен три дня езды. Меня может не быть неделю. Ты будешь здесь совсем одна, – она смотрит в сторону. – Кто станет делать тебе чай?

- Я буду пить воду. Это станет моим наказанием за то, что взваливаю на тебя это бремя.
- Мне кажется, калек, это не слишком большое наказание за такое бремя.
- Девочка, доживи до моих лет. Пожертвовать доброй чашкой чая поутру – это настоящее наказание.

Она опускает глаза.

- Я не хочу оставлять тебя.
- Знаю, дитя. И мне не хочется, чтобы ты уходила. Но другого пути нет. Седлай своего блохастого чалого и собирай вещи, будь паинькой.
- А если я откажусь?
- Тогда ты меня разочаруешь.

Мы глядим друг на друга. В ее больших темных глазах стоят слезы, и я силюсь сохранить на своем лице бесстрастное выражение. Я люблю эту девочку, будто она моя дочь, и мне беспокойно на душе отправлять ее в жестокий мир за пределами Приюта. Однако я прошла суровую школу и не позволю ей увидеть смятение внутри меня.

- Если ты услышишь, что здесь, в Кастра Гуннорум, беспорядки или сражение... если услышишь... Неважно, что ты услышишь, Бруни, но не возвращайся. Не в одиночку.
- Тривос узнает. Может быть, пройдут часы или дни, но в конце концов он выяснит, кто его выдал, – говорит Бруни. Ее лицо искажено от горя.
- Он не посмеет навредить мне. Как ты говоришь, орел над воротами еще имеет силу. Когда кастеллян двинется на юг со своими армиями – а он двинется – тогда ты вернешься вместе с ним, но не раньше. Я не могу рисковать потерять тебя, дитя, – я улыбаюсь. – Кто же иначе сможет приготовить мне чай так, как я люблю?

Я уверена, для нее мои заверения звучат так же фальшиво, как для меня самой.

- Идем со мной, калек. Тебе больше незачем оставаться здесь, это место – гробница.
- Это мой дом, – резко отзываюсь я. И добавляю более мягко: – Я слишком стара для долгих поездок верхом и сна на холодной земле. Моим костям место здесь, вместе с костями братьев, оставивших их до меня.
- Ты умрешь здесь, калек.
- Так я всегда и думала, дитя, с первого мгновения, как ступила на эту планету. А теперь поцелуй меня и давай расстанемся в вере и дружбе.

Я не наблюдаю за тем, как она уходит, и не трачу время на дальнейшие прощания, но все равно знаю. Я чувствую момент, когда она выводит свою лошадь через боковую дверь и оставляет меня одну в сумрачной тишине громады Приюта. Это место как будто утратило теплоту.

Бруни была права – теперь, когда я совершенно одна внутри этих огромных стен, они как никогда кажутся гробницей.

Опускается ночь, более темная и тяжкая, чем мне когда-либо доводилось видеть на этой планете. Согласно вере моих отцов, Приют – святое место. Это убежище, и название ему под стать. Но сейчас эта вера кажется чем-то трепещущим и бесплотным в сравнении с громадным зловещим лесом вокруг меня и мрачным миром, сердце которого бьется у меня под ногами.

Я поднимаюсь на стену, в полную звезд темноту, с пыхтением и скрипом взбираясь по каменной лестнице и чувствуя своими костлявыми старыми бедрами давно забытое похлопывание ножен меча и кобуры. Целую кольцо с аквилей, которое исповедник передал мне на смертном одре, и смотрю на окутанный ночью мир внизу. Эфес глория хорошо лежит в руке, хотя я уже не уверена, хватит ли у меня сил справиться с ним, а заряда в моем пистолете хватит всего на один-два выстрела. Но все равно радостно вновь иметь при себе спутников из былых кампаний. Они напоминают мне о времени, когда я была такой же юной, как Бруни сейчас – высокой, прямой и полной огня.

Одна за другой восходят луны, озаряя бескрайнее море деревьев. Приют – крошечный островок в этом громадном океане, а деревни лесных обитателей скрыты кронами. Еще никогда в жизни я не чувствовала себя настолько одиноко. Я стою и прислушиваюсь неизвестно к чему, но когда я слышу этот звук, то понимаю, что именно его и ждала.

Шум барабанов, эхом доносящийся из лесов. Не предрассветный сон, а варварский отрывистый ритм, олицетворяющий древние пути этого мира.

Глупо с нашей стороны было думать, будто мы могли искоренить нечто, столь глубоко скрытое в крови этих людей. Сейчас я это знаю. Но я еще не до конца утратила надежду. Кастелян в Аб Сурен – образованный правитель, человек, принявший послание, которое мы доставили на эту планету, и реальность большой Вселенной. Он придет. Он принесет сюда огонь и меч, очистит это место от старого зла. Он должен.

Я стою там час, другой, пока кости не начинают болеть, а одежда не перестает греть на ночном холоде. Барабаны то появляются, то исчезают – их звук отчетливо разносится по всей окутанной мраком долине до холмов за ее пределами и дальнего пограничья вдоль реки Тимари. Они собираются, племена леса. Барабаны созывают их.

И в конце концов, внизу что-то происходит. Среди деревьев движется огонь факелов, поднимающихся по дороге от самой деревни Кастра Гуннорум. Мне кажется, что я слышу в ночи бормотание голосов, но это может быть лишь иступленный стук моего напрягающегося сердца. Свет дробится и мерцает, а затем, наконец, останавливается в нескольких сотнях ярдов от ворот. Потом раздается пронзительный звук – высокий визг боевого рога, рассекающий ночную тишину. Этого звука я не слышала на этой планете уже тридцать лет. От него у меня на загривке встают дыбом волосы. Он будит воспоминания о былых побоищах, кровавых битвах среди деревьев. О времени, когда мы боролись с варварством племен при помощи мечей и пушек.

Факелы снова удаляются, скрываясь во мраке. И я знаю, что должна спуститься туда. Что бы это ни было, я должна узнать. Я не могу просто продолжать стоять на стенах пустой крепости. Это будет трусостью, и именно так они и поймут. Я не позволю им даже предположить, что мне страшно.

Я выхожу из Приюта через калитку в могучих воротах и запираю ее за собой железным ключом, который мне также доверил исповедник перед смертью. Уходящая от проездной башни мощеная дорога со всех сторон окружена подлеском и кустами, сверху нависают громадные вздыхающие ветви. Я двигаюсь осторожно, вспоминая умение ходить по лесу, и, скрипнув сталью о кожу, вытаскиваю

пистолет.

Прямо впереди горит одинокий факел, трепещущий среди листвы на копейном древке. Приблизившись, я ощущаю, как живот сводит глухим ужасом. Рядом с гаснущим факелом в землю вбит кол – черная блестящая палка, воткнутая в зазор между камнями.

На него насажена голова Бруни.

Ее пропитанные кровью черные волосы безвольно свисают вниз, слипшись в поблескивающие веревки. В открытых глазах выражение озадаченного удивления, как будто она не думала, что умрет так. Из рта торчит светлый цилиндр. Это свиток с посланием, которое я велела ей доставить кастеляну.

Я стою и смотрю в ее мертвые глаза, чувствуя, как мои собственные жжет от ожесточенного горя. Внутри меня нарастает незамутненная красная ненависть к этому месту, к карканцам, к невежеству этого захолустного мира.

Я не одна. Я чувствую, что со стороны деревьев за мной наблюдают чьи-то глаза, и меня совершенно не удивляет, когда на свет факела навстречу мне выходит высокая фигура. Она облачена в меха и шкуры, как в более примитивные времена, а на голове у нее огромные рога – венец короля-оленья. Глаза мерцают в свете пламени, в руках она держит длинный изогнутый клинок из черного железа.

Это Тривос, хастмен Тревасси. Он, и в то же время не он. Мужчина стоит прямо передо мной, но есть там и что-то еще – нечто большее, чем простой человек. В свете факела его глаза блестят, как у зверя, а его губы покрыты кровью, словно он пил ее. Среди деревьев позади него слышится перешептывание, как будто там ждет и наблюдает невидимая толпа.

– И какой отважный муж сделал это? – спрашиваю я его голосом, грубым, как у старой вороны, и направляю ствол пистолета на отсеченную голову Бруни. – Она была всего лишь безоружной девочкой.

– Она предала свой народ, – произносит Тривос, и кажется, будто голос принадлежит не ему. Он говорит на карканском, на своем наречии. Это первый раз, когда он пользуется им при мне.

– Твой народ! – бросаю я, не скрывая презрения. – Что дает тебе право говорить за них, Тривос? Может ты и хастмен Тревасси, но только на этом континенте еще сотня племен, и все они верны кастеляну на Высоком Троне. Твой народ!

– Кастелян предал свое первородство и плюнул на породивший его мир. Он связался с подобными тебе, чтобы получить власть над нами. Отбросил обычаи и знания наших праотцов. Он здесь не правит, больше нет. Владыка Деревьев наконец-то пробудился. Он говорит через меня. Чужие пути, что вы принесли в этот мир, будут искоренены, и мы вернемся к былому миру, каким он должен был быть всегда.

– Ты поведешь своих последователей обратно в эпоху тьмы, Тривос. Мои братья принесли на Карканис истину имперской цивилизации. Эту истину нельзя отвергать вечно: за пределами этого мира есть миллиард других, и Император надзирает за всеми со своего вечного Трона.

– Здесь нет трона и нет Императора. Есть только древние леса, и сила, что надзирает за ними. Он спал, но теперь он пробудился, и я здесь, дабы исполнить его волю.

– Вот как? – огрызаюсь я, вскидываю пистолет к его лицу и жму на спуск.

Оружие издает шипение и подпрыгивает у меня в руке, на мгновение полыхнув светом. Я с проклятием

смотрю на магазин. Заряда нет, но так не должно быть. У меня должен был оставаться хотя бы один выстрел.

Я отбрасываю бесполезную реликвию прочь.

- От твоего оружия здесь нет толку, уже нет, - говорит Тривос.

- Ну и какова же будет моя судьба? Очередная голова на палке? - произнося эти слова, я запускаю руку под одежду в поисках ключа от калитки ворот Приюта. Вытащив его одним быстрым движением, я швыряю ключ в черноту между деревьев так далеко, как только могу. Мне не вернуться назад - теперь я это точно знаю - но я не позволю им просто войти внутрь и захватить его.

Тривос не шевелится. Его спокойствие жутковато, это неподвижность хищника перед броском.

Я обнажаю меч, звякнув славною чистой сталью. Подняв его, я целую выгравированную на клинке аквилу.

- Это оружие еще работает, - говорю я Тривосу, а затем бросаюсь вперед со всей быстротой и ожесточенностью, на какие только способно мое переполненное ненавистью старое сердце.

Тривос вскидывает руки, и деревья вокруг него оживают. Ко мне устремляется толпа темных фигур, и мои ноги еще не успевают пронести меня и на три фута, как я оказываюсь окружена. Одна рука хватается меня за запястье и сдавливает его, другие удерживают мои руки. Меч выпадает у меня из пальцев, и я кричу от беспомощной ярости. Я чувствую запах пота и глины, вижу в лунном свете расписанные известью полосатые щерящиеся лица. Меха и кремь, копья с костяными наконечниками. Первобытное сборище поднимает меня над землей и срывает одежду с моей спины. Никто не говорит ни слова. Они ворчат, шипят и рычат, словно животные. Удерживая мои конечности, они обдирают мне кожу своими ногтями.

Это селяне, бок о бок с которыми я прожила десятки лет. Я преломляла с ними хлеб, принимала роды, лечила болезни. И теперь я не вижу в них абсолютно ничего знакомого. Они вернулись к чем-то настолько первородному, что едва похожи на людей. Все следы цивилизованности отброшены.

- Несите ее, - слышу я новый, темный голос Тривоса, и меня тащат на весу, прочь от света факела, от мощеной дороги. Я отбиваюсь и проклинаю их, но меня уносят вглубь мрака деревьев, в древний и не изменившийся мир.

Все сливается воедино. Свет лун и факелов, окруженная деревьями тьма, глубже которой я еще не знала. Зловоние, исходящее от тех, кто меня несет, хватка их рук. Раздающийся время от времени резкий звук боевого рога и, фоном ко всему этому, бесконечный стук лесных барабанов.

Пока они идут среди деревьев, их число растет. Сперва их несколько дюжин, затем много десятков, а потом кажется, что в ночи вокруг меня движутся сотни людей, ступающих упруго, словно гончие на охоте, и не издающие ни звука, кроме дружных тяжелых выдохов. Я не вижу пути, которым они следуют, хотя меня несут в середине, и я вообще мало что вижу. Ночной холод просачивается в тело сквозь льняную сорочку - единственную мою одежду. У меня больше нет сил сопротивляться им. Мне вспоминается, как умерли многие из моих братьев в прежние дни - в одиночестве, замученные и изувеченные перед кончиной. Их трупы висели на громадных деревьях, словно оскверненные плоды.

Что ж. Вскоре я присоединюсь к ним, и тревогам придет конец. Смерть идет у меня за плечом в ночи, почти как старый друг. Единственное, что я должна теперь сделать – умереть подобающе, чтобы оставить о себе память и подать им пример дисциплины и отваги моего ордена.

Но пока чудовищная процессия движется все дальше, миля за милей углубляясь в лесную чащу, однажды я ловлю себя на сожалении, что я не встречу здесь кого-нибудь из своих – роту Астра Милитарум или даже нескольких легендарных Адептус Астартес, Ангелов Смерти. Тогда эти выродки увидели бы, каков на самом деле Империиум – всю его веру, мощь и святость.

Карканис – лишь крошечное пятнышко темных чернил на неизмеримо огромном холсте. Империиум вечен. Император бессмертен.

Земля у нас под ногами поднимается вверх. Мы выходим из низин Тимари в холмы за ними. Деревья с широкими листьями теперь перемежаются с более темными пиками вечнозеленых. Когда мы только прибыли, то дали их породам названия, термины со Старой Земли. Дуб и платан, сосна и ясень. Но на самом деле это не те же деревья, которые человечество рассадило по половине Галактики. И среди них есть могучие лесные исполины, которые так и не попали в классификацию. Их стволы диаметром в много ярдов, а верхушки высятся на сотни футов, образуя мрачный колышущийся полог. Это властители в мире деревьев, короли их рода. Я уверена, на далекой Терре никогда не росло ничего подобного.

Подлесок увядает, свету лун нет сюда доступа. Карканцы замедляют шаг и практически беззвучно бредут по перегною листьям. Со всех сторон нависают огромные стволы, похожие на столпы колоссального храма. Я чувствую трепет тех, кто меня несет – тот страх, который у них вызывает это место и эти вещи. Я ощущаю его и сама и молча читаю Веру Мирскую, повторяя строки, выученные в юности. Но слова сбиваются в голове в бессмыслицу, подавленные великим безмолвием леса.

Перед собой я вижу дерево крупнее всех, что мы когда-либо прежде встречали на этой планете. Оно высится над сородичами, словно гора высотой в многие сотни футов – прямое, словно колонна, и шириной с жилой дом у основания. Корни пронизывают землю на сотни ярдов от подножия, будто громадные серые змеи толще человеческого торса. А еще оно пустотелое – в стволе есть похожая на пещеру расщелина, в которую может пройти повозка. Внутри нее абсолютная чернота.

Похитители с неожиданной аккуратностью ставят меня на землю перед зияющей дырой в дереве. Я стою и дрожу, мое старое тело избито, исцарапано и кровоточит. Волосы растрепались в седую гриву, сандалии пропали. Босыми ногами я чувствую мшистую лесную почву, а через нее – гулкий грохот барабанного боя, от которого вибрирует сама земля, но никаких звуков не слышно. Барабаны остановились. В этом месте неестественно тихо, но при этом его сила как будто кричит у меня в голове.

Я не двигаюсь – бежать нет смысла, и я намерена закончить со всем, сохранив некую толику достоинства. Рядом со мной стоит Тривос с блестящим от крови ртом и глазами, которые горят адским огнем, как бывает у некоторых лис в лунном свете. Я больше не вижу в нем человека – его грудь вздымается, от обнаженного торса исходит прогорклая вонь. Там выведены символы, которых прежде не было – завитки, руны и зубчатые буквы, полосы которых вьются по его коже. Каллиграфия безумия. Дыхание выходит у него из глотки горячими облаками.

– Иди, – обращается он ко мне. Это скорее не слово, а рык.

Я не могу заговорить или пошевелиться. Тьма в черном сердце дерева маячит передо мной, и ужас прочно удерживает меня на месте. У меня не осталось ни слов, ни воспоминаний – лишь чистый страх перед тем, что находится внутри.

– Иди, – повторяет он и колет меня в бок своим железным мечом. Я чувствую, как острое клинка пускает кровь между ребрами, и от боли у меня отчасти проясняется в голове. Я оглядываюсь по сторонам. Возле дерева огромной дугой выстроились сотни людей, застывших в не вполне здоровом молчании. На них надеты головы зверей – кабаны, волки, барсуки, лисы, олени – и если не считать краски на теле, теперь они обнажены, скинув свои шкуры и меха. Даже оружие брошено на лесную почву, словно носить его в этом месте – проступок перед силой внутри дерева.

Это Карканис, мой дом на протяжении шестидесяти лет. И я не могу представить себе более чуждого мне места.

– Трон, – произношу я надтреснутым шепотом, – сохрани меня. Император бессмертный, в руки твои предаю дух свой.

Хромая, я делаю вперед шаг, другой – и из зияющей дыры передо мной дует ветер, несущий с собой зловоние мертвечины, земли и гноя. Распад жизни, смрад могилы.

И во тьме горит пара красных огней, моргающих одновременно.

Меня влечет внутрь, и я забываю о своей вере, о своих обетах и о долгой службе Империи. Я рядом с мерзостным сердцем этого мира, с секретом, что в конце концов пробудился – с тварью, что лежала здесь с самого рождения планеты.

Я – кáлек Дина, исповедник Миссионарус Галаксия. Я – покойница, уходящая во мрак преисподней.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Тварь_в_лесу_/_The_Thing_in_the_Woods_\(рассказ\)&oldid=12119](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Тварь_в_лесу_/_The_Thing_in_the_Woods_(рассказ)&oldid=12119)

Эта страница в последний раз была отредактирована 26 марта 2020 в 22:29.